

Ше Мовей исчез бесследно, словно капля воды, растворившаяся в океане. В боковом зале Дворца дел остались лишь прекрасный и кроткий старейшина Сюаньчжэнь, несколько остолбеневших учеников и юноша по имени Жун Му, который с протянутой рукой смотрел на пустой дверной проем, словно весь мир его бросил.

Старейшина Сюаньчжэнь оглядел этот хаос, и на его красивом лице отразилась полная беспомощность. Он был человеком мягким и добросердечным, совершенно не умевшим отказывать или справляться с внезапно свалившимися проблемами. Тем более, что эту проблему «навязал» ему сам Сюаньлин Сяньцзунь — человек холодный и скупой на слова.

Он подошел к Жун Му и постарался говорить как можно мягче:

— Дитя, перестань плакать. Раз уж младший брат Сюаньлин доверил... кхм, порекомендовал тебя, оставайся пока здесь. Меня зовут Сюаньчжэнь, я старейшина этого Дворца дел. Как тебя зовут?

Жун Му, он же Король Мэй, медленно опустил руку, повернулся и поднял глаза, в которых с трудом выдавил слезы. Глядя на ослепительно красивое лицо Сюаньчжэня, он мысленно фыркнул: доверил? Порекомендовал? Сказано красиво, а на деле — просто спихнул обузу! Он шмыгнул носом и с обиженным, гнусавым голосом ответил:

— Старейшина... меня зовут Жун Му.

— Жун Му... — Сюаньчжэнь задумчиво повторил имя. Глядя на бледного, изможденного юношу с бегающим взглядом и болезненным видом, он в душе вздохнул. О таланте тут и говорить нечего — до стандартов обычных внешних учеников он катастрофически не дотягивал. Слова младшего брата Сюаньлина были, мягко говоря... эх.

Но раз уж человек остался, нельзя же его бросить. Старейшина велел ученику отвести Жун Му умыться, переодеться в чистое и устроил его в скромную, но опрятную гостевую комнату. Он решил понаблюдать за ним несколько дней, чтобы понять, что у того на уме, а потом уже принимать решения.

Однако старейшина Сюаньчжэнь и представить себе не мог, что с того самого момента, как он приютил Жун Му, его жизнь и жизнь всего этого прежде спокойного и безмятежного пика превратятся в бесконечный, суматошный кошмар.

Жун Му ни за что не хотел оставаться под началом Сюаньчжэня! Его целью был пик Цзюэцин и Ше Мовей! Оказаться в руках этого смазливой старейшины, у которого характер мягче теста — это же просто позор! Открыто выступить против или сбежать из секты он не смел, но у него было сто способов заставить Сюаньчжэня пожалеть о своем решении!

Со следующего дня Король Мэй вовсю пустил в ход свой актерский талант безумного гуляки и врожденные способности демонического владыки устраивать беспорядки.

Время утренних тренировок на плацу.

Ученики Сюаньчжэнь отрабатывали базовые приемы меча, а сам старейшина, грациозно и терпеливо, давал указания. Когда очередь дошла до Жун Му, тот взял выданный ему деревянный меч, и его руки затряслись, будто в припадке. Движения выходили нелепыми, а сам он бормотал:

— Так? Или так? Ой, не выходит!

Старейшина Сюаньчжэнь подошел ближе, желая мягко поправить его стойку:

— Держи запястье ровно, сосредоточься...

Не успел он закончить, как Жун Му внезапно вскрикнул, и деревянный меч в его руках, словно потеряв управление, резко полоснул по диагонали! Угол был выбран мастерски, а скорость оказалась пугающей.

Раздался легкий звук разрываемой ткани.

Широкий рукав лазурного халата старейшины с узором облаков был распорот острием меча!

На плацу воцарилась тишина. Все ученики вытаращили глаза, не в силах поверить в увиденное. Жун Му же с видом крайнего испуга выронил меч и замахал руками:

— Старейшина! Простите! Я не специально! У меня... рука соскользнула!

Сюаньчжэнь посмотрел на свой испорченный рукав, потом на «готового расплакаться» Жун Му, открыл рот, но в итоге лишь устало вздохнул и махнул рукой:

— Ничего страшного, в следующий раз будь осторожнее.

Разве можно сердиться на ребенка, который только начал учиться и к тому же выглядит психически нестабильным?

В Павильоне передачи знаний Сюаньчжэнь лично объяснял Жун Му самые простые основы техники накопления ци.

Он рассказывал так подробно, боясь, что юноша не поймет. Жун Му внешне прилежно слушал и кивал. Но как только дело дошло до попытки направить эту жалкую крупицу духовной энергии, он намеренно пустил ее по совершенно неверному, прямо противоположному пути!

Результат был предсказуем. Слабый поток ци внутри тела мгновенно взбесился и начал метаться по меридианам! Лицо Жун Му вмиг стало мертвенно-бледным (на этот раз страдание было вполне реальным), на лбу выступил холодный пот, он зашатался и, скорчившись от боли, рухнул на пол.

Сюаньчжэнь испугался, поспешно подошел и влил в него чистую, мягкую духовную энергию, чтобы упорядочить хаотичные потоки. На лице старейшины читалась тревога:

— Как же так? Неужели у тебя особая конституция, которая не принимает эту технику?

Жун Му мысленно усмехнулся: не принимает? Это я тебя не принимаю! Наслаждаясь (хотя на самом деле нет) поддержкой старейшины, он слабо простонал:

— Старейшина... я... я умираю?

Сюаньчжэню стоило немалых сил привести его в чувство. Глядя на «хрупкого» юношу, он чувствовал, как у него начинает болеть голова. Обучать этого ученика было невероятно трудно!

У Сюаньчжэня была личная аптекарская комната, где он хранил собственноручно созданные эликсиры для тренировок и лечения. Однажды он обнаружил, что флакон с ценными пилюлями Нинби был подменен! Вместо них внутри лежали круглые, черные, пахнущие сырой землей комки грязи.

Сюаньчжэнь держал в руках этот флакон, и выражение его красивого лица было весьма красноречивым. Ему даже гадать не пришлось, кто это сделал! На всем пике только этот странный новичок Жун Му мог иметь подобную возможность и мотив. Когда он нашел Жун Му, тот сидел во дворе и с «невинным» видом наблюдал за муравьями.

— Жун Му, это ты трогал мои пилюли в аптекарской? — Сюаньчжэнь постарался, чтобы его голос звучал спокойно.

Жун Му поднял голову и захлопал большими глазами:

— Пилюли? Какие пилюли? Старейшина, у меня в последнее время болит живот, может, мне стоит принять какое-нибудь лекарство?

Выражение его лица было настолько невинным, что сомневаться в нем было невозможно. Сюаньчжэнь долго смотрел на него, в очередной раз тяжело вздохнул и молча ушел. Что он мог сделать? Пытать? Этого «сумасбродного» подростка?

Но больше всего старейшину выводило из себя поведение Жун Му во время чтения лекций о высших канонах Дао для внутренних учеников.

В зале царила торжественная тишина, ученики внимали каждому слову. Сюаньчжэнь сидел на почетном месте, его голос звучал чисто и ясно. Однако из угла зала вдруг донеслось крайне неуместное, ритмичное храпение:

— Хр-р-р... пх-х-х... хр-р-р...

Звук был негромким, но в звенящей тишине зала он казался оглушительным. Все взгляды

невольно устремились в угол, где, уткнувшись носом в стол, сладко спал Жун Му, а с уголка его губ свисала подозрительная ниточка слюны.

Сюаньчжэнь запнулся. Он посмотрел на Жун Му, нахмурился, но не стал кричать. Один из учеников, не выдержав, хотел было растолкать спящего, но Сюаньчжэнь остановил его взглядом. Он продолжил лекцию, но храп стал своего рода фоновым шумом, испытывающим терпение всех присутствующих и выдержку самого старейшины.

После окончания лекции Сюаньчжэнь чувствовал себя так, будто провел тяжелый бой.

Всего за несколько дней пик Сюаньчжэня превратился в сущий ад. Ученики роптали, ненавидя и боясь этого «блатного» новичка, за глаза называя его маленьким демоном. Сюаньчжэнь же был измотан до предела. За всю жизнь он не встречал ученика, который доставлял бы столько хлопот! Бить его было нельзя, ругать бесполезно, а когда пытаешься вразумить — он прикидывается дурачком.

Однако сам виновник всего происходящего, Жун Му (Король Мэй), помимо своих проделок, испытывал глубокую тревогу.

Глядя в зеркало в комнате старейшины, он хмурился.

Это было лицо Жун Му. Черты лица в целом неплохие — очертания скул и переносицы были довольно изящными, — но сейчас оно выглядело ужасно. Желтоватый оттенок кожи от постоянного голода, впалые глаза и землистый цвет лица от разгульного образа жизни, грубая, лишенная блеска кожа, потрескавшиеся сухие губы. Весь его облик источал слабость, упадок и болезненность. Это было небо и земля по сравнению с его прежним лицом Короля Призраков — соблазнительным, безупречно красивым, где каждое движение могло пленить душу.

В душе Короля Мэя росло раздражение. Он всегда придавал огромное значение внешности. В прошлой жизни его облик был одним из самых острых видов оружия, способным покорить и небожителей, и демонов. Теперь же, нося эту «некондиционную» оболочку, он чувствовал глубокое унижение, особенно при мысли о том, что когда-нибудь предстанет в таком виде перед Ше Мовеем.

Поэтому, помимо пакостей, всё свободное время он тратил на одно: направлял остатки своей былой силы, чтобы осторожно питать и восстанавливать это дряхлое тело.

Он сидел на своей жесткой кровати, направляя слабую духовную энергию, словно искусный мастер, полирующий необработанный нефрит. Он по крупичкам вычищал застоявшуюся мутную ци, прочищал закупоренные меридианы и восстанавливал истощенную кровь, пытаясь пробудить скрытый потенциал этого тела. Процесс был медленным и трудным — основа была слишком слабой, к тому же он должен был тщательно скрывать свою истинную силу, чтобы не вызвать подозрений. Но результаты были.

Через несколько дней желтизна кожи немного спала, она стала чуть более гладкой, а синяки

под глазами побледнели. Хотя до его прежнего ослепительного облика было еще как до луны, он хотя бы перестал походить на умирающего больного и обрел немного жизненных сил.

Он посмотрел в зеркало и тренированно растянул губы в ленивой, порочной улыбке. На лице юноши впервые промелькнуло нечто, отличное от привычной апатии.

— Ше Мовей... — прошептал он, и в его глазах блеснул холодный огонь. — Жди. Как только я приведу эту оболочку в надлежащий вид, мы с тобой еще посчитаемся.

Так Король Мэй и жил на пике старейшины Сюаньчжэня: днем прилежно творил беспорядки, а по ночам тайком восстанавливал свое тело. Кошмар старейшины Сюаньчжэня продолжался, а план Короля Мэя по возвращению на пик Цзюэцин тихо зрел посреди этого хаоса.

<http://bllate.org/book/18805/1828736>